

Глава 1

Утром рябил медленный дождь, но после полудня вышло солнце, и асфальтовые дорожки сразу просохли. На них уже появились молодые мамы с колясками, промчалась на роликах стайка ярко одетых девчонок — явно прогуливают последние уроки в школе. А к вечеру в Измайловском парке будет не протолкнуться. Если, конечно, не испортится капризная майская погода.

Он шел своим обычным маршрутом. От станции метро «Измайловская», через сырую рощицу — любимое прибежище алкоголиков, и дальше — по широким асфальтовым дорожкам, через луг, мимо первого пруда, второго, третьего... Третий пруд он обычно обходил по песчаному берегу и той же дорогой возвращался. Волейбольная площадка, сломанные турники, следы от многочисленных костров на берегу озера — все это было ему так знакомо, что он перестал замечать дорогу. На обратном пути он обычно останавливался на мостике через ручей и выкуривал сигарету. Это тоже было настолько привычно, что он все делал машинально. Потом затапывал в пыли окурок, крошил в воду большой кусок булки и смотрел, как там суетятся утки. Потом шел домой.

И в этот раз он тоже остановился на мосту. Полез в карман за сигаретами и вытащил пустую пачку. Чертыхнулся, достал пакетик с хлебом и заглянул под мост в поисках уток. Их то-

АННА МАЛЫШЕВА

же не было — сегодня все почему-то шло наперекосяк. Зато Михаил увидел в воде наполовину затонувший велосипед.

Потом его спрашивали — почему он сразу опознал машину? Он что-то придумывал. Называл какие-то приметы — цвет, модель, игрушку, прикрученную к рулю... На самом деле он ничего этого с моста не разглядел. Но почему-то сразу подумал о той девушке и, как оказалось, не ошибся.

Михаил часто встречал ее во время своих прогулок, особенно, если выходил попозже, после шести вечера. Она почему-то никогда не ехала ему навстречу, всегда только обгоняла. Сперва за его спиной нарастал сухой шелестящий звук, потом трещал звонок. Он невольно оборачивался и видел ее — белокурую, растрепанную, на блестящем красном велосипеде. Она медленно проезжала мимо, будто давала ему возможность полюбоваться своими голыми коленками, узкими бедрами, обтянутыми велосипедными шортами. Один белый носок почему-то всегда был спущен на кроссовку. На тонкой бледной руке, почти у самого локтя — широкий браслет из цветного бисера. На шее — аляповатое бисерное кольцо. Улыбка — если она улыбалась — какая-то напряженная. Какого цвета у нее глаза — он не знал, никогда не успевал заметить, не разглядел даже в тот раз, когда они разговорились. На вид ей было лет восемнадцать, впрочем, могло быть и меньше, и намного больше — он ведь ничего, совсем ничего о ней не знал.

Он сунул хлеб в карман и спустился под мост, чтобы вытащить велосипед, потребовалось немало усилий — машина упорно цеплялась за подводную корягу. В конце концов Михаил весь вымок и перемазался, но все-таки одолел машину. Тогда-то он и разглядел игрушку на руле — розовый поросенок в красной кепке. Но он и без того был уверен, чей это велосипед.

На берегу уже собрались зрители — пара мальчишек, мужчина со спаниелем на цепочке. Спаниель рвался в воду, явно

Западня

желая помочь, но его не пускали. Михаил понимал, что выглядит нелепо — штаны промокли почти доверху, на ботинки смотреть страшно... Да еще эта глупая игрушка на руле — поросенок в кепке. Любой сообразит, что велосипед — не его, ведь модель дамская. А тут еще эта игрушка... Мужчины после тридцати холодно относятся к таким пороссятам.

Зрители явно ждали объяснений. Особенно мальчишки — те смотрели на него очень подозрительно. Ему стало жарко: «Можно подумать, что я украл велик...» Он уже страшно жалел, что ввязался в это дело. Но бросить велосипед на берегу? Немедленно украдут. Вот эти мальчишки и украдут. Они явно завидуют ему.

Сопровождаемый яростным лаем спаниеля, Михаил выкатил велосипед на дорожку. Оглянулся по сторонам, будто ожидал увидеть его хозяйку. Руль вилял в его руках, он никак не мог справиться с машиной. Просто какой-то кошмарный сон — на черта он полез за велосипедом! Если бросить на виду — украдут, а он будет виноват. «Но эта дурочка могла и получше спрятать свое сокровище», — почти зло подумал он. Покрепче перехватил руль, случайно придавил пальцем резинового поросенка. Оказалось, что у игрушки внизу дырочка — оттуда брызнула вода. Напоследок поросенок жалобно пискнул.

И тут он почему-то очень ясно понял, что девушка не прятала под мостом свой велосипед. Во всяком случае, не бросала в ручей ухоженную и явно любимую машину марки «Пантера». Не говоря уже о поросенке. Велосипед не прятали под мост — его просто выбросили с глаз подальше. И это сделала не хозяйка, а кто-то другой.

Самым простым и разумным было дождаться на месте наряда конной милиции, вручить им велик и все рассказать. Но Михаил знал, что милиция появляется в парке ближе к вечеру. Дневное время, наверное, считалось менее кри-

АННА МАЛЫШЕВА

минальным. Значит, он должен сидеть здесь еще часа три как минимум. Конечно, у него будет время обсохнуть. Но как он выдержит без сигарет? Михаил усмехнулся — до него дошло, что сигареты бы обязательно промокли в кармане брюк — туда тоже просочилась вода. А значит, он может радоваться, что пачка оказалась пустой. Он вывернул карманы и выбросил в кусты размокший хлеб, какие-то старые бумажки, отряхнул брюки... И покатил велосипед к выходу из парка. Машина то и дело норовила лягнуть его — то колесом, то педалью, будто отбивалась от чужака. Самым комичным в этой истории было то, что он совершенно не умел ездить на велосипеде. В детстве его больше интересовали шахматы, а потом... Потом он решил, что поздно учиться кататься. Да и не очень-то хотелось, если честно.

Он шел, внимательно глядя в лица гуляющих. Народу в парке становилось все больше, но той белокурой девушки нигде не было видно. Михаил оглянулся и заметил, что мальчишки, которых он видел у ручья, идут за ним. «Явно ждут, что велик мне надоест, я его брошу, и тогда...» Он поудобнее перехватил руль и вздохнул. «Ну, ничего, до первого милиционера как-нибудь дотащусь...»

Однако его остановили куда раньше — еще до выхода из парка. Ему наперерез бросилась бледная женщина в джинсовом костюме и неожиданно грубо схватила за мокрый рукав. Он замер, и тут же к велосипеду прицепилась девчонка лет четырнадцати. Михаил растерялся, но не настолько, чтобы не заметить — девчонка очень похожа на хозяйку велосипеда. Только лицо круглее и попроще, губы не накрашены, и светлые волосы пострижены по-другому. Девчонка и заговорила первой — женщина только хватала губами воздух, явно лишившись дара речи.

— Где Оля? — крикнула девчонка и рванула велосипед к себе. Педаль больно ударила его по голени, по самой кости.

Западня

Он выпустил руль, и машина с грохотом упала на асфальт. Теперь на них начинали оглядываться прохожие.

— Не знаю, — ответил он. Ответ был не самый удачный, зато честный.

Тут вступила женщина. Она все еще держала его за рукав, но как ему показалось, уже не так агрессивно.

— Милена, помолчи, — сказала она, обращаясь к дочери. Это были мать и дочь — теперь он ясно это видел. — Послушайте, где вы взяли велосипед? Это велосипед моей дочери! Милена, я кому сказала — не лезь!

Девчонка все время пыталась вмешаться в разговор, но теперь замолчала. Михаил все подробно рассказал. Махнул рукой в сторону речки, объясняя, где нашел велосипед, и увидел, что женщина закусила нижнюю губу. Глаза у нее были измученные, под ними пролегли серые тени.

— Так вы с ней не знакомы? — спросила она уже без всякой агрессии в голосе. Михаил подтвердил. И добавил, что только однажды перекинулся с ее дочерью парой слов, но они относились к велосипеду, больше ни к чему. Он даже имени ее не знал.

— Боже мой, — тихо и уже без всякого выражения сказала женщина. — Что же мне теперь делать?

Милена смотрела на него с ненавистью. Как видно, она продолжала его в чем-то подозревать.

— Мам, ты только его не отпускай, — процедила она. — Может, он все врет.

Мать одернула ее:

— Как ты разговариваешь со взрослыми?! Помолчи! Боже, до меня все еще не доходит... Где же она, в конце концов?!

Из ее сбивчивых объяснений Михаил понял, что Ольга — ее старшая дочь — уже несколько дней не появляется дома. Она сказала, что будет жить у подружки, но координаты не дала... Собрала маленький рюкзачок, уехала на велосипеде,

АННА МАЛЫШЕВА

и вот они видят чужого человека с этой машиной, а Ольги нет. Женщина вдруг расплакалась. Михаил окончательно растерялся. Наверное, надо было извиниться, уйти, не вмешиваться. Ведь он давно дал себе зарок: не можешь помочь — отойди в сторону, сделаешь только хуже. Но женщина плакала на виду у любопытствующих прохожих. Мокрый велосипед лежал на дорожке. А Милена смотрела на него так злобно, что он понимал — без скандала ему уйти не удастся. И он поднял велосипед.

— Давайте поищем патрульную машину, — сказал он как можно спокойнее. — Они всегда стоят возле метро.

И первым пошел вперед.

* * *

Он оказался прав — неподалеку от станции метро они заметили милицейскую машину. Михаил остановился, не доходя до нее нескольких шагов. Ему очень не хотелось вмешиваться, но отступить было поздно. Велосипед по-прежнему был на его попечении. А сам он, как видно, оказался на попечении Милены — девочка не отходила от него ни на секунду, пока ее мать объяснялась с патрульными. У Михаила было чувство, что его уже взяли под арест.

— Что я тебе сделал? — тихо спросил он у девочки. Ответ окончательно выбил у него почву из-под ног. Не поворачивая головы, даже не взглянув в его сторону, этот подросток отчеканил:

— Все вы, мужики, сволочи.

Михаил охнул и машинально полез в карман за сигаретами. Вспомнил, что они кончились. Он все больше раздражался — на себя, на Милену, на этот чертов велосипед... Наконец, женщина вернулась к ним. Она уже не плакала, лицо у нее было застывшее.

Западня

— Еще не прошло трех дней с тех пор, как она пропала, — тихо сказала женщина, ни на кого не глядя. — Позавчера она еще звонила домой, а вот вчера и сегодня — нет... Они даже не слушали меня как следует. Спросили, сколько ей лет? Девятнадцать? Сказала, что поживет у подружки? И ухмыляются. Я рассказала им про велосипед, а они говорят — что вы переживаете, ведь он нашелся?

Тут она как будто вспомнила о Михаиле и подняла глаза:

— Спасибо, что проводили. Милена, садись и поезжай домой.

Девочка вытерла отсыревшее седло ладонью и косо посмотрела на мать:

— А ты?

— Пойду пешком. Никуда не сворачивай, езжай прямо домой.

Милена ловко вскочила в седло, поймала ногой ускользающую педаль, что-то скрипнуло, брякнуло, откуда-то полилась вода... И все же машина поехала. Через минуту девочка исчезла за углом. Женщина повернулась к Михаилу:

— Вы не могли бы оставить свой телефон? На всякий случай. Вдруг нужно будет в милиции...

Он достал из куртки бумажник, порылся во всех отделениях и наконец выудил визитную карточку. Женщина взяла ее и, не читая, сунула в сумочку. Это его немного уязвило — неужели ее не интересует даже его имя? Впрочем, она и сама не представилась. Щелкнула замком сумки, неожиданно сухо попрощалась и пошла прочь, в ту сторону, куда уехала Милена. А Михаил в который раз порадовался, что живет рядом с метро, сразу за продуктовой ярмаркой. Да, грязно, да, шумно, да, половина квартир в доме заселена торговцами с Кавказа... Зато не придется демонстрировать всему Измайлово свои мокрые штаны и облепленные глиной

АННА МАЛЫШЕВА

ботинки. И он свернул во двор под пристальным взглядом патрульного милиционера.

Дома он переоделся, прослушал сообщения на автоответчике. Звонила бывшая жена — напоминала о просроченных алиментах. Он не успел их уплатить до майских праздников, а потом не работала сберкасса. Встретаться с ним для передачи денег лично жена отказывалась, предпочитала почтовые переводы. Почему? Он считал, что она так поступает из принципа. Выражает тем самым свое безразличие к нему, отсутствие всяких чувств. Ну и конечно, из-за дочери. «Ты ее не увидишь!» — сказала она после судебного заседания. И он уже три месяца не видел Дашу.

Где-то рядом звякнул велосипедный звонок, и Михаил вздрогнул. Звук донесся из открытого окна. Он выглянул и увидел мальчишку, удалявшегося в сторону рынка на побитом старом велосипеде, и сразу вспомнил ту белокурую девушку на красной «Пантере». «Вернется, никуда не денется», — неуверенно сказал он себе. Ему было тридцать два года, в дочери она ему никак не годилась, и все же он поймал себя на том, что почти по-отечески волнуется за нее. Может, потому что Даша как раз незадолго до развода увлеклась бисероплетением и обвешалась самодельными украшениями. Бисерное кольцо у нее было еще поярче, чем у Ольги. Даше было одиннадцать лет, девочка всегда казалась ему слишком простодушной и доверчивой... Ведь она тоже могла куда-то пропасть... Впрочем, для него она уже пропала. Наверное, надолго. Не дай бог, навсегда...

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он сел за компьютер и начал править статью. Последнее время он работал в газете, которая бесплатно распространялась в этом округе Москвы. До этого Михаил находился в вольном полете, и его социологические статьи появлялись во многих изданиях. Но после августовского кризиса большинство журналов и газет

Западня

перестало сотрудничать с внештатниками, чтобы не лишать заработка своих штатных авторов. Тогда и ему пришлось где-то осесть. Зарплата у него была небольшая, но и потребности невысокие. Квартиру после развода делить не пришлось. Машины у него не было, а значит, не было и связанных с ней расходов. К одежде и дорогостоящим развлечениям он всегда относился равнодушно. Почти не пил. Курил умеренно. И поскольку другой женщины в его жизни пока не было, Михаилу даже на цветы тратиться не приходилось...

Он целиком ушел в работу и не замечал, как идет время. Опомнился только, когда экран компьютера стал слепить глаза — он отрегулировал яркость еще при солнечном освещении, а теперь в комнате стало темно. Михаил выключил компьютер, встал, потянулся и отправился на кухню к холодильнику. Ну, конечно! Пусто. Он-то собирался зайти на ярмарку после прогулки, а из-за чертова велосипеда все забыл. И сигарет — ни одной штучки.

К вечеру похолодало. Он накинул плащ, сунул в карман деньги и отправился в магазин. Теперь он невольно обращал внимание на всех велосипедистов, которые попадались ему на пути. И даже просто на велосипеды. Наверное, потому он так быстро заметил Милену.

Девочка стояла на улице, напротив его дома, у обувной мастерской. Красная «Пантера» лежала на вытоптанном газоне, у ног хозяйки. Михаил замедлил шаг, и девочка съежилась, будто это могло сделать ее незаметной. Но прятаться было поздно.

— Ты что — следишь за мной? — спросил он, подходя поближе. Она ничего не ответила, но по ее загнанному взгляду он понял, что прав.

— Ну что, нашлась твоя сестра? — поинтересовался Михаил.

АННА МАЛЫШЕВА

— Нет, и вы сами это знаете! — С этими словами Милена наклонилась и принялась поднимать с земли велосипед. Мужчина остолбенел:

— Как это — сам знаю? В чем ты меня подозреваешь, в конце концов?! Я даже не был с ней знаком!

Милена исподлобья взглянула на него, сдунула упавшие на глаза волосы и уселась в седло. Велосипед был ей немного великоват. Она, вероятно, так бы и уехала, если бы Михаил не удержал руль:

— Ты что — думаешь, будто я где-то прячу твою сестрицу?

— Отстаньте, — пробормотала девочка. На него она больше не смотрела, но особого испуга тоже не проявляла.

— Нет, это ты от меня отстань! — потребовал Михаил. — И в конце концов, как ты нашла мой дом?

— По карточке, — бросила та. — Мне мама показала вашу карточку, а я запомнила адрес. Мама считает, что вы ни при чем, а я думаю, что вы врете.

Он с трудом перевел дух.

— Хочешь убедиться, что я не прячу твою сестру? — спросил он. — Пойдем, осмотришь квартиру.

Милена ехидно улыбнулась:

— Ну да, сейчас! Вы меня за дурочку принимаете?

— В таком случае, чего тебе надо?! — уже всерьез рассердился он. Михаил никак не мог уговорить себя, что перед ним всего-навсего подросток, что нужно быть снисходительней к этим глупостям... Милена держалась слишком независимо и уж никак не была похожа на запуганного ребенка. Он отвернулся от нее и пошел к магазину. Сделал покупки, уложил их в пакет, вышел на улицу...

Милена стояла со своим велосипедом неподалеку от запертого газетного киоска. И снова не собиралась прятаться. Михаил покрутил пальцем у виска, но девочка и бровью не повела, только поставила ногу на педаль, готовясь двинуться

Западня

за ним. «Ненормальная, — раздраженно думал он по пути домой, стараясь держаться подальше от тротуара. — Такая ведь и переехать может своим чертовым велосипедом. Мне синяков наставит и сама покалечится. Надо позвонить ее матери, сказать, чтобы присматривала за дочкой... А, черт, телефона ведь у меня нет!»

Он оглянулся. Милена упорно ехала за ним на самой малой скорости. Она ничуть не смущалась тем, что Михаил ее видит. Девочка вела себя так, будто он пустое место. «Ну и пиявка!» — подумал он, быстрее обычного заходя в свой двор. Это преследование мало-помалу доводило его до белого каления. «Чего она хочет добиться? Неужели думает, что Ольга живет у меня?» Михаил мстительно хлопнул тяжелой дверью подъезда. На железной двери стояли кодовый замок и домофон, и уж номер кода Милена на визитной карточке прочитать не могла. Но девочка и не собиралась продолжать преследование в подъезде. Когда Михаил выглянул с балкона на улицу, он увидел ее на прежнем месте — у обувной мастерской. Ее майка ярко белела в сумерках, на плечи она набросила голубой свитер, прежде нелепо завязанный вокруг бедер. Велосипеда Михаил не различил, но, наверное, машина опять валялась где-то в кустах. Он начал беспокоиться — не за себя, разумеется, а за эту дурочку. «Время позднее, а она шляется одна... Ну а вдруг и эта пропадет?! Тогда уж точно притянут меня — нас сегодня вечером могли видеть вместе».

Он стоял на балконе и курил, вглядываясь в сумерки тихой улицы. После закрытия рынка окрестности будто вымирали. Из парка доносилась залихватская гармошка — там вечерами собирались на гулянья пенсионеры. Откуда-то, вероятно, тоже из парка, тянуло дымом костра, и вообще, ощущения были самые деревенские. Михаил поставил чайник, налил себе чаю, вышел с чашкой на балкон. Милена была на месте — белое пятно ее майки по-прежнему выделялось на другой